

Соколов В. А. К вопросу об Англиканской иерархии: [По поводу библиограф. заметки И. Соколова в нояб. кн. жур. «Странник» 1898 г.] // Богословский вестник 1899. Т. 1. № 1. С. 115–133 (2-я пагин.).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АНГЛИКАНСКОЙ ІЕРАРХІИ.

Наконецъ-то по поводу моего изслѣдованія пришлось мнѣ встрѣтить критику, хотя слишкомъ строгую и не безпристрастную, но, по крайней мѣрѣ, такую, которая свободна отъ всякой лжи и инсинуацій, написана съ несомнѣннымъ знаніемъ дѣла, а потому можетъ служить къ уясненію разсматриваемаго вопроса. Разумѣю библиографическую замѣтку о моей книгѣ, помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ журнала „Странникъ“ за подписью г. И. Соколова. Называю эту критику „слишкомъ строгою“ потому, что неблагоприятный отзывъ ея о моемъ изслѣдованіи, какъ сейчасъ увидитъ читатель, утверждается на такихъ основаніяхъ, которыя далеко не могутъ быть признаны для него достаточными. „Не безпристрастною“ же представляется мнѣ она потому, что на пространствѣ цѣлаго печатнаго листа не сказано о моемъ трудѣ ни единого добраго слова. Безпристрастныя критики ученыхъ диссертаций такъ не пишутся.

Если не ошибаюсь, объ авторѣ замѣтки я имѣю нѣкоторое понятіе. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ печатныхъ протоколовъ С.-Петербуржской духовной академіи я узналъ, что въ 1894 году тамъ окончилъ курсъ г. И. Соколовъ, написавшій кандидатское сочиненіе на тему: „Вопросъ объ апостольскомъ преемствѣ іерархіи въ англиканской церкви“. Такъ какъ г. И. Соколовъ былъ однимъ изъ первыхъ въ спискѣ своего курса, а его сочиненіе удостоилось весьма лестнаго отзыва отъ его рецензента, достоуважаемаго профессора И. Е. Троицкаго, то я вполне былъ увѣренъ, что, по установившемуся въ послѣднее время обычаю, трудъ г. И. Соколова въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ приведенъ въ окончательно-обработанный видъ и появится

въ печати въ качествѣ диссертациі на степень магистра. Однако время шло, а книга г. И. Соколова не появлялась. Съ января 1896 г. я началъ печатать свое изслѣдованіе въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“, печаталъ его почти два года и выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ лишь въ сентябрѣ 1897 года, а трудъ г. И. Соколова по тому же вопросу и доселѣ все еще остается почему-то не напечатаннымъ. Только теперь авторъ этого труда заявляетъ о себѣ въ русской литературѣ объ англиканствѣ, выступивъ по поводу моего изслѣдованія съ своими критическими замѣчаніями. Тѣмъ болѣе интересъ имѣють для меня эти замѣчанія, что исходятъ они отъ человѣка, специально работавшаго надъ разсматриваемымъ мною вопросомъ.

Въ первомъ изъ своихъ замѣчаній критикъ, по поводу исторической стороны вопроса, говорить „Русскому изслѣдователю, стоящему вдали отъ первоисточниковъ, трудно сказать здѣсь что либо новое по существу, и по необходимости приходится ограничиться передачею того, что достигнуто трудами предшественниковъ, стараясь лишь о томъ, чтобы замѣтывать матеріалъ, по возможности, изъ первыхъ рукъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не въ пользу ученаго характера изложенія г. Соколова служить то обстоятельство, что ему остались недоступными между прочимъ и очень цѣпныя работы англійскаго ученаго Haddan'a. ... Не найдетъ читатель въ книгѣ г. Соколова признаковъ знакомства его и съ нѣкоторыми другими, хотя и менѣе важными, специальными работами объ англиканской іерархіи“, авторовъ которыхъ критикъ далѣе и называетъ (стр. 571—572).

Насколько я понимаю это замѣчаніе, критикъ мой придерживается того воззрѣнія, что русскому изслѣдователю разсматриваемаго вопроса нельзя работать по первоисточникамъ, какъ какъ онъ *стоитъ вдали отъ нихъ*, а потому необходимо ограничиваться лишь передачею того, что сдѣлано другими. Вотъ изъ этихъ—то другихъ, т. е. не первоисточниковъ, а *изслѣдователей*, которые сами работали надъ первоисточниками, съ нѣкоторыми я и не обнаружилъ въ своей книгѣ должнаго знакомства, что, по мнѣнію критика, *служитъ не въ пользу ученаго характера* моего сочиненія. — Признаюсь, очень странно представляется мнѣ эти рѣчи. Какіе это первоисточники по вопросу объ англиканской іерархіи для

русскаго изслѣдователя недоступны? Отъ какихъ стоитъ онъ вдали? Развѣ не имѣетъ онъ полную возможность изучать и статуты, и вѣроизложенія англиканской церкви, и регистръ Паркэра, и протоколъ комиссіи 1540 г. и королевскія грамоты, и относящіяся къ вопросу письма частныхъ лицъ и пр. и пр.? Все это издано и ко всему этому русскій изслѣдователь и можетъ и долженъ стоять не вдали, а вблизи. Вотъ почему я совершенно не согласенъ съ критикомъ, что будто-бы въ данномъ случаѣ русскій изслѣдователь по необходимости долженъ ограничиваться лишь передачею того, что сдѣлано другими. Нѣтъ, онъ долженъ самъ работать по первоисточникамъ, а литература вопроса, т. е. труды другихъ, должна имѣть для него лишь вспомогательное и второстепенное значеніе. Такъ я понималъ свою задачу и соответственно такому пониманію стремился осуществить ее въ своей работѣ. Наибольшую важность я придавалъ относящимся къ вопросу *документамъ*, которые и изучалъ въ собраніяхъ: статутовъ, Раймера, Уилькинса, Страйпа, Бёрнета, Коальера, Кардуэля и др. Наряду съ документами изучалъ я свидѣтельства древнихъ хронистовъ и историковъ XVI—XVII вв: Голиншэда, Стау, Камдена, Гайюрда, Масона, Гейлина, Фуллера. И только при свѣтѣ тѣхъ данныхъ, какія представляли мнѣ эти *первоисточники* вопроса, я велъ свое знакомство съ его *литературой*. Полагаю, что это совсѣмъ не значитъ „ограничиваться передачею того, что сдѣлано другими“, какъ рекомендуетъ русскимъ изслѣдователямъ мой критикъ, и моя постановка дѣла скорѣе говоритъ *въ пользу* ученаго характера моего изслѣдованія, чѣмъ *противъ*.

Критикъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не обнаружилъ знакомства съ трудами Гадаца и нѣсколькихъ другихъ *изслѣдователей* вопроса объ англиканской іерархіи: но, во 1) нельзя сказать, что они совсѣмъ мнѣ не были извѣстны, такъ какъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ знакомъ, или въ существенныхъ чертахъ или въ подробностяхъ, изложеніи, по указаніямъ другихъ авторовъ, какъ напр. о трудѣ Курна и имѣть довольно полное представленіе по подробному изложенію всего его содержанія въ книгѣ Кёринга. Изъ подобныхъ указаній я видѣлъ, что эти сочиненія ничего мнѣ новаго при изслѣдованіи вопроса не даютъ. Во 2) укоризну критика я считъ-бы серьезно лишь въ такомъ случаѣ, если

бы онъ указаль мнѣ: какія существенныя ошибки или важныя пробѣлы оказались въ моемъ изслѣдованіи, именно вслѣдствіе незнакомства моего съ перечисляемыми имъ авторами? Если же такихъ ошибокъ и пробѣловъ нѣтъ, то очевидно, что и безъ этихъ авторовъ въ моемъ распоряженіи было совершенно достаточное количество матеріала первоисточниковъ и литературы, чтобы поставить и изслѣдовать вопросъ съ надлежащею полнотою. Быть можетъ, предвидя такой отвѣтъ, критикъ мой особенно подчеркиваетъ мое незнакомство съ „очень цѣнными работами англійскаго ученаго Haddan'a, обследовавшаго и доказавшаго подлинность Ламбетскаго регистра Паркера, главнаго документа въ пользу посвященія этого архіепископа“. Если этими словами критикъ мой думаетъ указать нѣкоторый важный пробѣлъ моего сочиненія въ томъ, что оно не повтѣряетъ аргументацію Гаддана въ пользу подлинности регистра со всею полнотою, то я, съ своей стороны, никакого пробѣла въ данномъ случаѣ не признаю. На стр. 37—45 моей книги, по вопросу о подлинности регистра приведено совершенно достаточное количество данныхъ, заимствованныхъ отчасти, хотя и не непосредственно, у того-же Гаддана. Распространяться о регистрѣ съ еще большею подробностію я признавалъ и признаю излишнимъ въ особенности потому, что „въ настоящее время“, какъ заявлялъ я въ своей книгѣ, „можно уже считать доказаннымъ, что въ подлинности этого документа не можетъ быть никакого сомнѣнія“.

Любопытиѣ всего тѣ заключительныя строки, которыми критикъ оканчиваетъ свое первое замѣчаніе. Упрекнувъ меня въ незнакомствѣ съ нѣкоторыми спеціальными работами объ англиканской іерархіи и перечисливъ нѣсколько именъ ихъ авторовъ, онъ говоритъ: „Достать всѣ эти пособія, правда, было бы затруднительно въ настоящее время, но указать на ихъ существованіе во всякомъ случаѣ не мѣшало бы“.—Только-то?! Начавъ съ суроваго заявленія, что мое незнакомство съ нѣкоторыми изслѣдователями *служить не въ пользу ученаго характера моего сочиненія*, критикъ вдругъ оканчиваетъ выраженіемъ скромнаго желанія, чтобы я только указаль на ихъ существованіе. Вотъ ужъ, признаюсь, совсѣмъ не понимаю такого желанія. Перечислить въ своей книгѣ нѣсколько лишнихъ иностранныхъ фамилій и заглавій, ко-

нечно, не составило бы для меня ни малѣйшаго труда; но никакъ не могу думать, чтобы это послужило въ пользу ученаго характера моего сочиненія. Я всегда держусь того правила, чтобы ссылаться только на тѣ документы и изслѣдованія, которые были предметомъ моего непосредственнаго изученія; украшать-же свою книгу взятыми на прокатъ именами такихъ авторовъ, которыхъ я не видалъ, считаю неудобнымъ. Дѣлать исключенія изъ этого правила я позволяю себѣ только въ крайней необходимости, а именно когда у авторовъ, не знакомыхъ мнѣ непосредственно, сообщаются данныя, имѣющія при изслѣдованіи вопроса особенную важность; но въ такихъ случаяхъ я ссылаюсь, конечно, не на самихъ этихъ авторовъ, а на того, у кого заимствую изъ вторыхъ рукъ нужныя мнѣ указанія. Подобныя упоминанія имѣются въ моей книгѣ и о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ писателей, относительно которыхъ критикъ упрекаетъ меня въ полномъ будто-бы молчаніи. Пусть онъ взглянетъ напр. на примѣчанія страницъ: 36, 45, 60, 55 и 71 и онъ увидитъ, что о Гадданѣ и въ частности о его изслѣдованіяхъ регистра, а также объ Эсткортѣ я упоминаю неоднократно. Что-же касается тѣхъ писателей, относительно которыхъ я могъ упомянуть только *объ ихъ существованіи*, то, признаюсь, я не видѣлъ въ такомъ упоминаніи никакого значенія и ни малѣйшей надобности.

2) Второе замѣчаніе критикъ посвящаетъ вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ рукополагателей Паркэра и въ особенности главнаго изъ нихъ, епископа Барлоу. Въ моей книгѣ, на стр. 55—56, 61—69, приведены факты и свидѣтельства, говорящіе съ одной стороны о томъ, что Барлоу высказывалъ иногда крайнія протестантскія воззрѣнія на таинство священства, а съ другой—что онъ дѣйствовалъ, какъ истинный представитель церковнаго ученія объ этомъ предметѣ, а именно: принималъ участіе въ составленіи и скрѣплялъ своею подписью такія официальныя вѣроизложенія англ. церкви, въ которыхъ проводилось строго церковное ученіе о священствѣ, какъ таинствѣ; и, кромѣ того, многократно и самъ совершалъ епископское рукоположеніе надъ другими. Такое противорѣчіе я объясняю тѣмъ, что „крайнія, отрицательныя воззрѣнія на священство были у Крамэра и Барлоу результатомъ лишь случайнаго и кратковременнаго увле-

ченія, ... а потомъ были оставлены“. Въ подтвержденіе своего предположенія я и привожу нѣкоторыя основанія.

Критикъ мой не согласенъ съ моимъ объясненіемъ и говоритъ, что изъ приводимыхъ мною фактовъ „можно видѣть лишь то, что эти мнѣнія (т. е. крайне—протестанскія воззрѣнія на священство) не были у Крамера и Барлоу такими убѣжденіями, которыя бы высказывались и проводились въ жизнь съ неуклонною послѣдовательностію и прямолинейностію, настолько сильными, чтобы удержать Барлоу отъ принятія епископскаго посвященія, но они вполнѣ допустимы, какъ болѣе или менѣе постоянный образъ мыслей и настроенія этихъ, не отличавшихся мужествомъ лицъ. По крайней мѣрѣ это можно сказать о Барлоу“. (Странникъ, ноябрь, стр. 573).

Не придавая своему предположенію характера неопровержимой достовѣрности, я однако совсѣмъ не нахожу и того, чтобы критикъ мой утвердилъ свое собственное мнѣніе съ полною основательностію. Приводимыя мною данныя остаются у него совсѣмъ не опровергнутыми, а именно: я указываю на факты, что Барлоу, какъ епископъ и членъ комиссіи, принимаетъ участіе въ составленіи и прилагаетъ свою подпись къ официальнымъ вѣроизложеніямъ, въ которыхъ провозглашается ученіе о священствѣ, какъ таинствѣ. Критикъ утверждаетъ, что Барлоу дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ неискренно, а на самомъ дѣлѣ держался крайне-протестантскихъ воззрѣній на священство. На чемъ же основывается такое сильное утвержденіе? Только на писемѣ Гардинера къ протектору Соммерсету вскорѣ по смерти Генриха VIII, гдѣ епископъ жалуется на Барлоу, что онъ однажды проповѣдывалъ противъ установленныхъ въ минувшее царствованіе ученій и производилъ смуту въ умахъ народа“. (Фактъ этотъ приводится въ моей книгѣ на стр. 74—75). Если Барлоу въ 1547 г. проповѣдывалъ противъ какихъ-то, установленныхъ при Генрихѣ, ученій, то, по мнѣнію критика, отсюда слѣдуетъ, что онъ вообще всѣ вѣроизложенія Генрихова царствованія подписывалъ и составлялъ неискренно, а въ частности и о священствѣ держался крайнихъ воззрѣній. Не слишкомъ-ли сильное заключеніе изъ такого слабаго основанія? Если даже и огнестись къ свидѣтельству далеко не безупречнаго католическаго фанатика Гардинера съ безусловнымъ довѣріемъ, во всякомъ

случаѣ это свидѣтельство относительно даннаго вопроса говорить слишкомъ мало. Какихъ именно ученій касалась проповѣдь Барлоу, въ письмѣ не упоминается, а что ее всего менѣе можно относить къ вопросу о священствѣ, это ясно, повидимому, изъ того, что самъ Гардинеръ не выражалъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ епископствѣ Барлоу и въ томъ-же самомъ жалобномъ посланіи называетъ его своимъ „собратьемъ“.—Я указываю далѣе на то, что Барлоу принималъ участіе въ совершеніи епископскаго рукоположенія надъ другими. Критикъ заявляетъ, что и въ этихъ случаяхъ Барлоу дѣйствовать не искренно, а въ доказательство своей мысли приводитъ слѣдующее: „Въ періодъ времени съ 1537 до 1540 г. Барлоу несомнѣнно держался отрицательныхъ взглядовъ на благодатное значеніе рукоположенія и однако участвовалъ въ рукоположеніи епископа герфордскаго Скипа 23 ноября 1539 г. и слѣд. постѣ могъ посвящать другихъ и не вѣровать самъ въ благодать священства“ (стр. 574). Вся сила доказательства сосредоточивается, очевидно, на утвержденіи, что между 1537 и 1540 г. Барлоу несомнѣнно держался отрицательныхъ взглядовъ; но откуда взялось это *несомнѣнно* и рѣшительно недоумѣваю. Несомнѣнно только то, что въ 1537 г. Барлоу, хотя на него прежде и былъ доносъ, что онъ въ проповѣди высказывалъ крайнія мнѣнія о священствѣ,—составлялъ однако и подписывалъ вѣровизложеніе съ ученіемъ о священствѣ, какъ таинствѣ; а въ 1540 г. въ извѣстной комиссіи несомнѣнно выражалъ протестантскіе взгляды по этому вопросу. Какихъ-же взглядовъ держался онъ въ ноябрѣ 1539 г. когда рукополагалъ Скипа, намъ совершенно неизвѣстно. Критикъ-же смѣло провозглашаетъ свое *несомнѣнно* и тотчасъ-же снѣпнуть слѣдуетъ отсюда выводъ относительно всѣхъ рукоположеній, когда либо совершавшихся Барлоу. Подобнаго рода научные выводы слѣдуетъ признать болѣе чѣмъ сомнительными.

Но можетъ быть критикъ приводитъ въ подтвержденіе своей мысли какія-либо новыя данныя, послѣ которыхъ уже не остается мѣста для сомнѣнія?—Ничего подобнаго не оказывается. Весь запасъ этихъ данныхъ ограничивается лишь нѣсколькими отзывами отдѣльныхъ лицъ о релігіозномъ настроеніи Барлоу, но отзывы эти такого свойства, что построить на нихъ какія-либо серьезныя заключенія нѣтъ ни-

какой возможности, а именно: „Гупэръ писалъ о Барлоу, что онъ, какъ и Кранмеръ во всемъ согласенъ съ швейцарскими церквами“. Герцогъ Альбертъ и Меланхтонъ рекомендовали его Елизаветѣ, какъ человѣка „привязаннаго къ Аугсбургскому Исповѣданію“, „правильно чтущаго Бога и любящаго церковное согласіе“. Сама Елизавета отзывалась о немъ, какъ о человѣкѣ „твердомъ въ религіи“ и „держателемъ чистаго ученія“. (Странникъ 575—576). — Не трудно замѣтить, что всѣ эти отзывы, во 1) имѣютъ настолькоъ общій характеръ, что никакъ не могутъ служить твердымъ основаніемъ для частнаго вывода именно о возрѣніяхъ Барлоу на таинство священства, такъ какъ объ этомъ предметѣ въ нихъ рѣчи нѣтъ. Во 2) по самому существу своему, отзывы эти таковы, что или сами себя или взаимно другъ друга уничтожаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гупэръ говоритъ, что Барлоу, какъ и Кранмеръ, во всемъ согласенъ съ швейцарскими церквами; но кто-же не знаетъ, что Кранмеръ совсѣмъ не былъ во всемъ согласенъ съ швейцарскими церквами и столько-же былъ близокъ къ нимъ, сколько во многомъ другомъ къ Риму. Въ одно и то-же время отзывы представляють Барлоу и „во всемъ согласнымъ съ швейцарскими церквами“ и „привязаннымъ къ Аугсбургскому исповѣданію“. Елизавета отзывалась о Барлоу, какъ о „твердомъ въ религіи“ и „держателемъ чистаго ученія“; но кому-же опять-таки не извѣстно, что въ устахъ Елизаветы такія выраженія какъ „твердость въ религіи“ и „чистое ученіе“ означаютъ далеко не то-же, что въ устахъ представителей лютеранства или кальвинизма. Если-же припомнить, что пресвитеріанъ Елизавета ненавидѣла едва-ли не больше, чѣмъ папистовъ, то похвалы ея по адресу Барлоу скорѣе могутъ намъ рекомендовать его, какъ самаго яраго епископала, чѣмъ какъ отрицателя священства.

Никакихъ болѣе твердыхъ новыхъ данныхъ по вопросу о возрѣніяхъ Барлоу относительно священства критикъ не приводитъ, а потому и послѣ всего имъ сказаннаго я не вижу основаній измѣнять свой прежній взглядъ по этому предмету. Если мое предположеніе, что крайнія протестантскія возрѣнія Барлоу на священство были у него лишь случайнымъ и временнымъ увлеченіемъ, представляется критикѣ недостаточно обоснованнымъ, то еще менѣе можно при-

знать такимъ и его собственный взглядъ, что будто-бы эти воззрѣнія были у Барлоу „болѣе или менѣе постояннымъ образомъ мыслей и настроенія“.

Какой-же, наконецъ, смѣсль имѣють всё эти разсужденія моего критика по вопросу о религіозныхъ воззрѣніяхъ Барлоу? — Въ моемъ изслѣдованіи этотъ вопросъ имѣеть вполне опредѣленное положеніе. Противники англиканской іерархіи, какъ извѣстно, утверждали, что Барлоу не быть рукоположеннымъ епископомъ и уклонился отъ принятія епископскаго рукоположенія, между прочимъ, потому, что самъ придерживался отрицательныхъ взглядовъ на священство. Въ противуположность этому утвержденію я и доказываю, что отрицательныя воззрѣнія были у Барлоу лишь случайными и временными и никакъ не могутъ служить основаніемъ для доказательства той мысли, что будто-бы Барлоу не принималъ епископскаго рукоположенія. Итакъ, вопросъ о *страваніяхъ* Барлоу имѣеть въ моемъ изслѣдованіи прямое отношеніе къ вопросу о *фактѣ* принятія имъ епископскаго рукоположенія. Что-же теперь доказываетъ мой критикъ? Становится-ли онъ на сторону противниковъ англ. іерархіи и признаетъ-ли, что Барлоу не принималъ рукоположенія? — Отнюдь нѣтъ. Онъ не хочетъ только согласиться со мною, что отрицательныя воззрѣнія у Барлоу были случайными и временными, но утверждаетъ, „что эти мнѣнія *не были* у Кранмера и Барлоу такими убѣжденіями, которыя бы высказывались и проводились въ жизнь съ неуклонною послѣдовательностію и прямолинейностію, настолько сильными, чтобы удержать Барлоу отъ принятія епископскаго посвященія, но они вполне допустимы, какъ болѣе или менѣе постоянный образъ мыслей и настроенія этихъ, не отличавшихся мужествомъ лицъ“. Итакъ, основнаго положенія, изъ за котораго и ведутся въ моемъ изслѣдованіи всё разсужденія о религіозныхъ воззрѣніяхъ Барлоу, критикъ не отрицаетъ, т. е. онъ, хотя объясняетъ эти воззрѣнія по своему, вмѣстѣ и согласно со мною признаетъ однако, что они не были настолько сильными, чтобы удержать Барлоу отъ принятія епископскаго посвященія, а для меня только этотъ выводъ и имѣеть значеніе.

Можетъ-ли однако взглядъ моего критика на религіозныя воззрѣнія Барлоу имѣть какое-либо вліяніе на рѣшеніе вопроса

о дѣйствительности англиканской іерархіи, если принять этотъ взглядъ во всей его силѣ?—Нисколько. Критику хочется доказать, что главный рукопологатель Паркэра совершалъ рукоположеніе „самъ не вѣруя благодати епископства“, а это-де „простираетъ тѣнь“ на дѣло рукоположенія. Что-же это значитъ? Думаетъ ли критикъ, что такое рукоположеніе недѣйствительно? Если онъ такъ думаетъ, то совершенно напрасно. Когда законно-рукоположенный епископъ, официально держащійся установленнаго церковнаго ученія о священствѣ, какъ таинствѣ, торжественно и по церковному чину совершаетъ надъ кѣмъ-либо епископское рукоположеніе, то, если онъ и погрѣшаетъ въ своихъ личныхъ, частныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, пока его заблужденіе не получило характера явной ереси и отпаденія отъ церкви, совершаемое имъ рукоположеніе дѣйствительно. Эта мысль ясно поставлена въ моемъ изслѣдованіи (гл. 13-я) и если не держаться ея, то всякая увѣренность въ благодатной дѣйствительности какого-либо таинства для христіанина подрывается въ самомъ основаніи; а въ примѣненіи къ таинству священства римско-католическую іерархію напр: въ громадномъ количествѣ ея представителей давно уже нужно было бы признать недѣйствительною, такъ какъ всякому извѣстно, что нерѣдко бывали въ ней и епископы, подобные Талейрану или Гобелю, и даже папы, подобные Іоанну XXIII, личныя религіозныя воззрѣнія которыхъ простирали гораздо болѣе густую „тѣнь“ на совершавшіяся ими рукоположенія.

Предположеніе, что сослужители Барлоу при рукоположеніи Паркэра „конечно знали“ его образъ мыслей и его неканоническое положеніе, я признаю въ своемъ изслѣдованіи „рѣшительно ни на чемъ не основаннымъ“ и „ни откуда не извѣстно, чтобы епископы, рукополагая Паркэра въ 1559 г., дѣйствительно могли знать то, что когда-то, почти двадцать лѣтъ тому назадъ, въ комиссіи 1540 года высказывалъ Барлоу“ (стр. 82—83). Критикъ мой и съ этимъ не соглашается. Онъ говоритъ: „трудно, разумѣется, рѣшать навѣрное, знали епископы въ 1559 г. образъ мыслей Барлоу или не знали, болѣе вѣроятнымъ однако представляется намъ первое“. (Страничка 375). На чемъ-же критикъ въ этомъ случаѣ утверждаетъ?—Да ни на чемъ, Сперва онъ приводитъ уже указанные нами отзывы о Барлоу Гунера, Аль-

берта, Меланхтона и Елизаветы, забывая, что эти отзывы, и сами по себѣ говорящіе, какъ мы видѣли, слишкомъ мало, сдѣланны были въ частныхъ письмахъ и слѣдовательно легко могли быть извѣтны только адресатамъ; а затѣмъ прибѣгается къ разсужденіямъ такого рода, что „трудно допустить“, „столь же трудно предположить“ и т. пд. (575 — 576). Признать за всѣмъ этимъ значеніе доказательствъ я не нахожу возможнымъ.

Въ концѣ своего втораго замѣчанія критикъ останавливается на личности третьяго изъ рукоположенцевъ Паркэра, еп. Ковердаля, обличая его въ томъ, что онъ даже „выставляя свое отвращеніе отъ епископства наружу“. (577) Главнѣйшими основаніями для такого обличенія служатъ критиковать несомнѣнные факты, что Ковердаль при рукоположеніи Паркэра не захотѣлъ облачиться въ епископскія одежды, а затѣмъ отказался принять снова епископскую кафедру. Советѣмъ не думая брать Ковердаля подъ свою особенную защиту, тѣмъ болѣе что вопросъ о его частныхъ воззрѣніяхъ не имѣетъ для меня значенія, не могу однако не признать, что приводимыя критикомъ основанія не достаточны для дѣлаемаго имъ вывода. Кто далъ ему право уклоненіе отъ облаченій считать признакомъ отрицанія и епископства? Пусть онъ припомнитъ примѣръ Гулэра и многихъ другихъ, горячая оппозиція которыхъ облаченіямъ советѣмъ однако не свидѣтельствовала о томъ, что они возставали и противъ епископства. Ковердаль отказался занять снова епископскую кафедру, но развѣ всякій отказывающійся отъ епископской кафедры непременно есть принципиальный отрицатель епископства? Чтобы утверждать такъ относительно Ковердаля, нужно доказать, что онъ уклонился отъ кафедры не по чему другому, а именно по отвращенію къ епископству: какъ скоро же критикъ этого не доказываетъ, онъ не доказываетъ ничего. Да и въ высшей степени странно говорить о человѣкѣ, который принимать публичное и дѣятельное участие въ церемоніяхъ утвержденія (consecration) и рукоположенія Паркэра, обставленныхъ притомъ большою пышностію, что будто-бы онъ выставлялъ наружу даже „свое отвращеніе отъ епископства“. Хорошо отвращеніе!

4) Въ третьемъ своемъ замѣчаніи критикъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не разсмотрѣлъ до конца самое главное рим-

ско-католическое возраженіе противъ англиканской іерархіи, а именно, „что форма посвященія, установленная при Эдуардѣ, недостаточна для сообщенія благодати священства и епископства, потому что не выражаетъ истиннаго понятія о степени священства или о ея благодати и власти, которую въ особенности составляетъ власть освящать и приносить въ жертву истинное тѣло и истинную кровь Господа“... По утвержденію критика, моими разсужденіями объ этомъ предметѣ, „сколь бы справедливы они ни были, исчерпывается только одна половина возраженія. Послѣ нихъ остается еще вопросъ: если для дѣйствительности таинства необязательно *выражать* въ молитвахъ посвященія благодатное полномочіе священника освящать и приносить евхаристическую жертву, то обязательно ли *вървать* и *учить* объ этомъ полномочіи, и если англиканская церковь не *върветъ* и не *учитъ* о немъ, не искажаетъ ли она этимъ истинное понятіе о священствѣ и не лишаетъ ли свои рукоположенія благодатной силы таинства“?... „Долгъ православнаго изслѣдователя объ англиканской іерархіи“, заявляетъ критикъ,—„разъяснить... сводитъ ли православная церковь, какъ церковь римско-католическая, существо служенія священника къ приношенію безкровной жертвы, или это приношеніе, по ея воззрѣнію, есть только одна изъ его обязанностей, какъ и евхаристія одно изъ семи таинствъ; и когда англиканская церковь неправильно *учитъ* объ евхаристіи, то совершенно ли искажаетъ истинное священство или только повреждаетъ его“. (Страникъ, стр. 577, 578, 580).

Совершенно вѣрно, что указываемый критикомъ вопросъ не подвергается въ моемъ изслѣдованіи спеціальному разсмотрѣнію, но это потому, что а) существомъ дѣла такого разсмотрѣнія не требовалось; б) особенной надобности въ немъ я не видѣлъ, и в) изъ сказаннаго въ моей книгѣ рѣшеніе этого вопроса ясно само собою.

а) Указываемое критикомъ римско-католическое возраженіе отвергаетъ дѣйствительность англиканской іерархіи на томъ основаніи, что англиканская *форма* посвященія недостаточна и *не выражаетъ* того, что она будто-бы необходимо должна *выражать* Соотвѣтственно существу этого возраженія, моя задача въ томъ и состояла, чтобы изслѣдовать англиканскій чинъ посвященія, т. е. именно то, что въ немъ

выражается, и рѣшить, достаточно-ли употребляемая въ немъ форма для дѣйствительности посвященія, или нѣтъ, каковое изслѣдованіе мною и сдѣлано.

б) Крикикъ находитъ, что такимъ образомъ я исчерпалъ только половину возраженія. Онъ требуетъ, чтобы я рѣшилъ, не обязательно-ли для англиканской церкви *вървать и учить* о благодатномъ полномочіи священника освящать и приносить евхаристическую жертву, чтобы ея священство было дѣйствительнымъ, и не сводить-ли наша православная церковь, подобно римско-католической, существо служенія священника къ приношенію безкровной жертвы. — Разъяснить православное ученіе объ этомъ предметѣ я не видѣлъ никакой надобности въ виду того, что оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Всякій обучавшійся по катихизису м. Филарета прекрасно знаетъ, что православная церковь отнюдь не сводитъ существо служенія священника къ приношенію безкровной жертвы. Ни въ символическихъ книгахъ православной церкви, ни въ ея чинѣ рукоположеній, ни въ научныхъ системахъ православнаго богословія, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы по вопросу о существѣ священства православная церковь хотя сколько либо приближалась къ тому крайнему ученію, которое провозглашается въ буллѣ Льва XIII-го. Напротивъ, православное ученіе съ полнѣйшею ясностію гласитъ, что существо священства состоитъ въ благодатныхъ полномочіяхъ *учить, священнодѣйствовать и управлять*, при чемъ и въ полномочіи священнодѣйствовать совершенію *всѣхъ* таинствъ приписывается одинаково существенное значеніе. Вотъ почему останавливаться на спеціальномъ разсмотрѣніи провозглашаемаго буллою крайняго ученія о существѣ священства я не видѣлъ никакой надобности, а ссылка англиканскихъ архіепископовъ на ученіе Восточной церкви объ этомъ предметѣ убѣждала меня, что это ученіе правильно понимается даже и инославными и потому тѣмъ менѣе нуждается въ особомъ разъясненіи для православныхъ.

в) Фактъ, что англиканская церковь въ ученіи о значеніи евхаристіи какъ жертвы заблуждается, не подлежитъ сомнѣнію, хотя и преувеличивать это заблужденіе не слѣдуетъ. Въ своемъ отвѣтѣ на буллу Льва XIII англиканскіе архіепископы писали: „Истинно мы учимъ и о жертвѣ въ святой

Евхаристіи и не думаемъ, что она есть „только воспоминаше“ жертвы на Крестѣ. . Прежде всего, мы приносимъ жертвоприношеніе хвалы и благодаренія, затѣмъ предлагаемъ и представляемъ Отцу жертву Крестную и молимся о испосланиіи чрезъ сіе оставленія грѣховъ и о всѣхъ иныхъ благодѣяніяхъ страсти Господней для всей Церкви; наконецъ, приносимъ Творцу всего въ жертву насъ самихъ что мы уже означили чрезъ принесеніе тварей Его. И это все дѣйствіе, въ которомъ народъ необходимо принимаетъ участіе съ священникомъ, мы обыкновенно называемъ Евхаристической жертвой“. (Бог. Вѣст. 1897 г. Іюнь, стр. 395—396). Критикъ мой полагаетъ, что значеніе этого ученія англиканской церкви въ примѣненіи къ вопросу о дѣйствительности ея рукоположеній остается въ моемъ изслѣдованіи не разъясненнымъ, но такъ разсуждать можно лишь въ томъ случаѣ, если считать вопросомъ: сводить-ли православная церковь существо священства къ приношенію безкровной жертвы, или нѣтъ. Если же такого вопроса, въ виду ясности православнаго церковнаго ученія объ этотъ предметъ, по моему мнѣнію, даже и быть не должно, то, конечно, и значеніе англиканскаго ученія объ евхаристіи какъ жертвѣ въ примѣненіи къ дѣйствительности рукоположеній опредѣляется само собою. Это ученіе должно быть разсматриваемо, какъ оно дѣйствительно и разсматривается въ моемъ изслѣдованіи, въ качествѣ одного изъ частныхъ догматическихъ уклоненій англиканской церкви отъ чистоты вселенскаго православія, — уклоненій, которыя не уничтожаютъ безусловно благодатную силу ея рукоположеній. Если же такъ, то слишкомъ поспѣшилъ мой критикъ своимъ заключеніемъ, что будто-бы главное римско-католическое возраженіе противъ дѣйствительности англиканской іерархіи не разъясняется въ моемъ изслѣдованіи удовлетворительнымъ образомъ.

4) Последнее замѣчаніе мое критикъ мой посвящаетъ ученію англиканской церкви о священствѣ. Въ немъ онъ утверждаетъ, что во а) я неправильно настаиваю, будто-бы „книга общихъ молитвъ“ въ своемъ чинѣ посвященія приписываетъ рукоположенію всѣ признаки таинства, такъ какъ перваго-же изъ этихъ признаковъ, именно „божественнаго установленія она священству не придаетъ“. Она упоминаетъ лишь о божественномъ установленіи *іерархиа*, и вовсе ничего не гово-

рить о божественномъ установленіи *таинства* священства“ (стр. 581). Во б) онъ старается доказать, что въ XXV членѣ вѣры англиканской церкви содержится „ясное, но ложное ученіе о таинствахъ“, при чемъ „твердо и рѣшительно выражено, что священство не есть истинное таинство“. (583).— Ни съ однимъ изъ этихъ положеній я не считаю возможнымъ согласиться.

а) Книга общихъ молитвъ, правда, не говоритъ прямо, что *таинство* священства установлено Господомъ; но сопоставляя въ ней все, что такъ или иначе относится къ данному предмету, не трудно понять, что именно самому священнодѣйствію рукоположенія она приписываетъ божественное установленіе. Я оставляю въ сторонѣ всѣ тѣ многочисленныя свидѣтельства англиканскаго чина посвященія, въ которыхъ говорится, что „Самъ Богъ Святымъ Своимъ Духомъ установилъ въ церкви различныя степени служителей“ или „Иисусъ Христосъ изліялъ дары Свои обильно на людей, содѣлавъ нѣкихъ апостолами, иныхъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“ и тпд. (The Book of Common Prayer Ed. Oxford 1855. pp. 379, 383, 388, 389, 391, 393), такъ какъ критикъ мой желаетъ понимать всѣ эти выраженія исключительно въ томъ смыслѣ, что здѣсь говорится о божественномъ установленіи только іерархіи, а не таинства священства. Но наряду съ этими указаніями имѣются въ „чинѣ“ и другія, содержащія въ себѣ гораздо болѣе опредѣленный смыслъ. При рукоположеніи въ діакона напр. положено въ „чинѣ“ апостольское чтеніе, въ которомъ повѣствуется объ избраніи семи діаконѣвъ, „*ихже поставиша предъ Апостолы: и помолвишеся возложиша на ня руки*“ (Дѣян. VI, 6), а въ предшествующей чтенію молитвѣ говорится, что на это дѣло „вдохновилъ апостоловъ Самъ Всемогущій Богъ“ (Com. Pr. Book p. 379). На рукоположеніи епископскомъ положено евангельское чтеніе, въ которомъ читается: „*Рече же имъ Иисусъ паки: миръ вамъ: якоже посла мя Отець, и азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: примите Духъ святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся*“. (Іоан. XX, 21—23). При епископскомъ рукоположеніи по англиканскому чину предстоятельствующій, призывая къ молитвѣ о рукополагаемомъ, указываетъ основаніе для этого въ примѣрѣ Христа Спасителя и Его Апостоловъ, такъ

какъ нашъ Спаситель цѣлую ночь провелъ въ молитвѣ предъ избраніемъ и посланіемъ дванадцати Апостоловъ, а Его ученики также постылись и молились предъ возложеніемъ рукъ на Павла и Варнаву. (Сomm. Pr. Book, 391). Въ формулахъ и молитвахъ англиканскаго чина съ одной стороны заявляется, что благодать Божія и Духъ Святый преподаются рукополагаемому именно чрезъ возложеніе рукъ, а съ другой—утверждается, что это возложеніе рукъ предписано въ священномъ писаніи. (Сomm. Pr. Book., pp. 393, 392). Развѣ всѣ эти указанія говорятъ о божественномъ установленіи только іерархіи, а не самага священнодѣйствія, посредствомъ котораго пастыри церкви поставляются на свое служеніе?—Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить всю значительность этихъ указаній, не мѣшаетъ припомнить, что даже въ нашихъ православныхъ чинахъ рукоположеній на божественное установленіе таинства священства имѣется несравненно менѣе указаній, чѣмъ въ англиканскомъ. Въ православныхъ чинахъ нѣтъ ни апостольскихъ и евангельскихъ чтеній, въ которыхъ упоминалось бы о священнодѣйствіи поставленія; нѣтъ и такихъ молитвъ, гдѣ говорилось-бы что Самъ Богъ или І. Христосъ поставилъ апостоловъ и пастырей, и т. пд. Единственныя, встрѣчающіяся по этому предмету, указанія говорятъ только, что „Богъ оставилъ діаконства законъ“, „призвалъ“ св. первом. Стефана „въ дѣло служенія своего“, или „законоположилъ намъ чрезъ всехвальнаго апостола Павла степеней и чиновъ чинъ“. (Чиноvníкъ арх. священнослуженія. Москва 1721 г. стр. 260 и 259. Чинъ избранія и рукоположенія Архіерейскаго. Спб. 1725 г. л. 32). Критикъ мой требуетъ такимъ образомъ, чтобы англиканскій чинъ являлъ себя православнѣе самыхъ православныхъ. Предъявлять къ англиканской книгѣ общихъ молитвъ такія возвышенныя требованія я не нахожу основаній и тѣ указанія, какія въ ней заключаются, признаю достаточными, чтобы утверждать, что рукоположенію приписываются въ ней всѣ признаки таинства.

б) Въ своемъ крайне-отрицательномъ толкованіи XXV-го члена вѣры критикъ мой доходитъ до заявленія, что будто бы пять второстепенныхъ таинствъ, по смыслу его, „не должно считать истинными“, такъ какъ „съ ними уживается даже такой признакъ, какъ происхожденіе изъ ложнаго слѣ-

дованія апостоламъ, слѣдовательно происхожденіе не только чисто человѣческое; но, какъ всякое злоупотребленіе, какъ все ложное,—даже неугодное Богу“. (Странникъ, 582). Чтобы убѣдиться въ неудобопріемлемости такого толкованія, достаточно припомнить, что чинопослѣдованія этихъ второстепенныхъ таинствъ, представляющихъ собою якобы „злоупотребленія“ и имѣющихъ „неугодное Богу“ происхожденіе отъ „ложнаго слѣдованія апостоламъ“, входятъ однако въ составъ „книги общихъ молитвъ“ и „чина посвященія“, о которыхъ сама же англиканская церковь отзывается какъ о такихъ, въ которыхъ „нѣтъ ничего противнаго Слову Божію и здравому ученію, чего-бы благочестивый человѣкъ не могъ принять съ доброю совѣстію“, или что было-бы „суевѣрно и нечестиво“. (Preface in the Book of Common Prayer and the Article XXXVI).

Я отнюдь не думаю утверждать, что въ XXV членѣ *непрямѣнно* заключается ученіе о всѣхъ семи таинствахъ съ раздѣленіемъ ихъ на главныя и второстепенныя; но не могу согласиться и съ тѣмъ, что будто-бы въ немъ выражается *ясное* ученіе о существованіи только двухъ таинствъ, при чемъ священство „твердо и рѣшительно“ признается *неистиннымъ*. Текстъ этого члена до такой степени не точенъ по своему смыслу и не ясенъ, что легко можетъ допускать различныя толкованія. Онъ не говоритъ, что „тѣ пять, которыя обычно называются таинствами“ *не суть таинства* или *не должны считаться таинствами*; но почему-то употребляетъ гораздо менѣе рѣшительныя и опредѣленныя выраженія, что ихъ „не должно считать *таинствами Евангелія*“, или что они не имѣютъ *одинаковой природы* таинствъ съ крещеніемъ и вечерею Господнею“, при чемъ книга гомилиі прибавляетъ, что они лишь „*не такія* таинства, какъ крещеніе и причащеніе“, а эта книга, какъ извѣстно, утверждаетъ XXXV-мъ членомъ вѣры и слѣдовательно взгляды ея одинаковы со взглядами членовъ. Подобныя выраженія невольно внушаютъ читателю мысль, что подъ ними можетъ скрываться относительно второстепенныхъ таинствъ не простое ихъ отрицаніе, а лишь нѣкоторое ограниченіе ихъ значенія. Вѣдь о какихъ нибудь граненыхъ кораллахъ напр. никто не скажетъ, что они „не такіе же брилліанты“, или „не имѣютъ одинаковой природы съ брилліантами“. Странно было-бы, кажется, именовать и таинствами то, что совсѣмъ

тайнствомъ не признается. Вотъ почему, какъ прежде такъ и теперь, я не могу признать смыслъ XXV члена яснымъ и рѣшительнымъ, а потому и счатаю ученіе англиканской церкви о тайнствахъ нуждающимся въ разъясненіи.

Мой критикъ въ настоящее время, повидимому, рѣшительно склоняется къ неблагопріятному для англиканской іерархіи рѣшенію разсматриваемаго нами вопроса, ибо если англиканская церковь нѣсколько вѣковъ держалась, какъ онъ думаетъ, яснаго, но ложнаго ученія о тайнствахъ, причемъ священство таковымъ не признавала, то недѣйствительность ея іерархіи ясна сама собою. Весьма интересно мнѣ было-бы познакомиться съ тѣми научными данными, которыя утвердили критика въ такомъ настроеніи тѣмъ болѣе, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, если только, конечно, я не ошибаюсь въ его личности, онъ держался, повидимому, иныхъ воззрѣній. Въ отзывѣ проф. И. Е. Троицкаго о его сочиненіи приведены тѣ общіе результаты, къ которымъ авторъ пришелъ въ своемъ изслѣдованіи, а именно:

1) Фактъ рукоположенія арх. Кантерб. Паркера 17 Дек. 1559 г. исторически засвидѣтельствованъ удовлетворительно.

2) Отвергать фактъ рукоположенія еп. С. Давидскаго Барлоу, въ 1536 г. нѣтъ достаточныхъ основаній.

3) Историческое преемство англиканской іерархіи во время реформаціи въ англійи нарушено не было.

4) Форма, по которой былъ посвященъ Паркеръ, можетъ быть сама по себѣ достаточною.

5) Ученіе англиканской церкви о священствѣ (orders) заключаетъ элементы и правые и ложные.

6) Нельзя утверждать, что посвященіе Паркера было одною формальностію.

7) Вопросъ о дѣйствительности англиканскихъ посвященій, начиная съ Паркера, подлежитъ обсужденію вселенской церкви.—(Журналы совѣта Спб. Духов. Академіи за 1893—94 уч. годъ. Стр. 241).

Судя по этимъ краткимъ тезисамъ, настроеніе моего критика въ 1894 г. было гораздо болѣе благопріятнымъ для англиканской іерархіи, чѣмъ какое онъ обнаруживаетъ теперь, хотя текстъ англиканскихъ членовъ вѣры напр. былъ и тогда, конечно, такимъ же, какимъ онъ остается и въ настоящее время. Появленія въ печати книги г. П. Соколова

объ англиканской іерархіи я съ большимъ интересомъ какъ ожидалъ прежде, такъ ожидаю и теперь. Очень можетъ быть, что съ нѣкоторыми положеніями этой книги я и не найду возможнымъ согласиться, но во всякомъ случаѣ могу увѣрить ея автора, что она встрѣтитъ отъ меня гораздо болѣе любезный пріемъ, чѣмъ какого удостоилось съ его стороны мое собственное изслѣдованіе. Въ своемъ будущемъ отзывѣ я ни за что не ограничусь, какъ сдѣлалъ мой критикъ, однимъ лишь заявленіемъ, что ничего не разъяснено въ книгѣ удовлетворительнымъ образомъ; но сочту для себя священной обязанностію соблюсти правила ученой справедливости и приличія и воздать должную дань уваженія автору, хотя бы за его труды и познанія. Съ своей стороны я отнюдь не претендую на непогрѣшимость и очень буду радъ, если поставленный мною вопросъ и возбужденная имъ полемика привлечетъ къ дорогому для меня предмету вниманіе и другихъ ученыхъ изслѣдователей, которые дадутъ нашей православной наукѣ нѣсколько новыхъ, быть можетъ гораздо болѣе глубокихъ и основательныхъ, трудовъ по отдѣламъ и сторонамъ вопроса, доселѣ еще не разъясненнымъ. Только *viribus unitis* двигается впередъ наука, а потому, въ интересахъ ея святаго дѣла, отъ души желаю всѣмъ настоящимъ и будущимъ дѣятелямъ по изслѣдуемому мною вопросу полнаго успѣха.

В. Соколовъ.
